

СВЯЩЕННИК И ПОЛИТИКА: СУДЬБА ЧЛЕНА I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ КЛАВДИЯ АФНАСЬЕВА

А. В. Шадрина

Южный научный центр Российской академии наук

Поступила в редакцию 20 октября 2014 г.

Аннотация: в статье на примере судьбы члена I Государственной думы священника Донской и Новочеркасской епархии Клавдия Ивановича Афанасьева рассматривается проблема вовлечения духовенства в политическую жизнь Российской империи. Судьба К. И. Афанасьева, подписавшего Выборгское воззвание, показала, что в 1906 г. как государство, так и Русская православная церковь были не готовы к тому, что священнослужители могут высказывать собственные суждения, несогласные с имперской политикой.

Ключевые слова: Манифест 17 октября 1905 г., I Государственная дума, Русская православная церковь, духовенство, Донская и Новочеркасская епархия, священник Клавдий Афанасьев.

Abstract: the article deals with the issue of the clergy involvement in the political life of the Russian empire, based on the example of the fate of Klavdiy Afanasiev, a member of the 1st State Duma and a priest of the Don and Novocheerkassk Eparchy. The fate of Klavdiy Afanasiev, a signer of the Vyborg Manifesto, showed that, in 1906, neither the state nor the Russian Orthodox Church had been prepared for the priesthood expressing their own judgments, disagreeing with the imperial policy.

Key words: Manifesto of 17 October 1905, 1st State Duma, Russian Orthodox Church, the clergy, Don and Novocheerkassk Eparchy, priest Klavdiy Afanasiev.

Социально-политические трансформации, происходившие в Российской империи в начале XX в., поставили духовенство Русской православной церкви перед проблемой «священник и политика». В современной историографии [1–3] включение духовенства в участие в политических событиях связывается с изданием Манифеста 17 октября 1905 г. Считается, что до этого момента священнослужители не имели права участвовать в политической жизни страны. Однако положение Русской православной церкви, интегрированной в государственный механизм Российской империи, определило, что духовенство является обязательным компонентом политической системы государства. Это выражалось в том, что священники принимали присягу, провозглашали с церковного амвона царские указы и манифесты, участвовали в метрикации, принимали участие в усмирении крестьянских бунтов. Кроме того, по законам империи они были обязаны служить фискальным органом и нарушать тайну исповеди в случае участия исповедника в протестных движениях. Иными словами, духовенство было участником, точнее, одним из механизмов государственной политики, но это участие было минимизировано за счет идеологического давления на священнослужителей.

Манифест 17 октября 1905 г. действительно стал отправной точкой отсчета приобретения представителями духовного сословия собственной выраженной

политической позиции, которая в нередких случаях расходилась с позицией, диктуемой Св. Синодом и государством. Важнейшим этапом политизации духовенства стало его привлечение к работе в учрежденной в 1905 г. Государственной думе и преобразованном в 1906 г. в верхнюю законодательную палату Государственном Совете. И. А. Васильев расценивает работу этих двух органов как новую разновидность службы духовенства Русской православной церкви, которая с 1906 г. приобрела «особенно важное значение» [3, с. 12]. Целью этой деятельности было укрепление основ самодержавия [4, с. 134].

Официально подтвержденное право духовенства на участие в политической жизни Российской империи выявило несколько тенденций в среде самих священно- и церковнослужителей. Так, подавляющее большинство представителей духовного сословия оставались верны охранительной политике К. П. Победоносцева несмотря на то, что она «была особенно опасна на пороге XX в., в условиях резкого обострения социальных проблем, все более настойчивого обращения интеллигенции к религиозным вопросам» [5, с. 133]. Часть духовенства, главным образом столичного, была вовлечена в поиск новых форм церковно-общественной жизни, в попытку демократизации прихода и церковного управления, в борьбу за восстановление патриаршества и независимость внутрицерковной жизни [6, с. 31]. Небольшая часть священнослужителей откликнулась на призывы ин-

теллигенции, и вступила в открытую политическую борьбу. Результаты этой борьбы далеко не всегда были положительными.

Как и духовенство других регионов, священнослужители области войска Донского не остались в стороне от происходивших событий. Однако жизнь среди военизированной организации, преданной царю и Отечеству, безусловно, оказала влияние на сознание подавляющего большинства священно- и церковнослужителей. Так, издание Манифеста 1905 г. заставило некоторых из них высказать собственное суждение о политической ситуации в стране, но если это суждение оказывалось критическим, священник в течение двух дней арестовывался по доносу прихожан. К аресту приводили даже попытки разъяснить суть Манифеста без его оценки. Наиболее показательным примером этой ситуации служит арест священника слободы Малой Кирсановки Симеона Горбаневского. Поводом ареста стала записка архиепископа Афанасия (Пархомовича) в адрес Донской духовной консистории, в которой он озвучил слухи о распространении этим священником революционных идей. 24 января 1906 г. С. Горбаневский был запрещен в священнослужении, а его место объявлено вакантным. 26 мая помощник начальника Донского областного жандармского управления в Таганрогском округе сообщил в консисторию, что в «деяниях» Горбаневского не найдено состава преступления и следствие прекращено. Арест священника произвел необходимое для власти воздействие. Как писал благочинный Новониколаевского благочиннического округа, «все увидели, что для выражения своих убеждений, для пропаганды среди темного народа тех или других идей есть известные границы... и многие образумились, отшатнулись от пагубной пропаганды» [7, л. 1, 23, 43, 47].

В феврале 1905 г. в высказывании в частной беседе политических воззрений, а именно выражения одобрения лицам, совершившим убийство великого князя Сергея Александровича, высказывания мнения о ненужности войны с Японией и желательности управления страной самим обществом [8, л. 1–2 об., 7, 41], был обвинен священник Константин Казмин. Прокурор Таганрогского окружного суда не нашел в деле состава преступления, но «епархиальное начальство» пришло к заключению, что Казмин своими «необдуманными и двусмысленными беседами политического характера, несомненно, произвел смущение в народе и даже навел на себя подозрение в политической неблагонадежности» [там же, л. 41 об., 43]. Священник церкви станицы Верхне-Курмоярской Иоанн Киреев был обвинен в критике Манифеста 17 октября [9, л. 2–2 об.]. Священник слободы Ильинки Николай Волков был запрещен в священнослужении за то, что участвовал на сходе крестьян, соб-

ранном с целью оказания помощи забастовщикам слободы Батайской, при этом он не принял никаких мер «к вразумлению крестьян» [10, л. 1]. В наказание священник был перемещен в станицу Ольгинскую «в среду казачьего населения... где нет такой благоприятной почвы для антиправительственной пропаганды, как в крестьянских поселениях» [там же, л. 173 об. – 174, 171 об.].

Как видно из приведенных избранных примеров, любой поступок священника, связанный с озвучиванием собственной политической позиции, расценивался как преступление. При этом репрессивные меры против духовенства предпринимало не государство, а епархиальная власть.

Учреждение Государственной думы, безусловно, стало «революционным» событием для духовенства, получившего возможность от лица своих избирателей принимать участие в формировании законов Российской империи. Однако итоги деятельности I Государственной думы показали, что как государство, так и Церковь не были готовы к трансформации безропотного послушного священника в гражданина с выраженной политической позицией. В этом отношении показательной является судьба священника Клавдия Ивановича Афанасьева, избранного в Думу от области войска Донского, лишённого сана в 1906 г. и расстрелянного в 1937 г.

Клавдий Иванович Афанасьев родился 11 марта 1875 г. в станице Усть-Бузулуцкой в семье священника казачьего происхождения. В июле 1896 г. он окончил Донскую духовную семинарию, после которой в течение года занимал место учителя Аксайской второклассной церковной школы [11, л. 77]. Здесь же К. Афанасьев познакомился со своей будущей женой – дочерью потомственного священника, на тот момент заштатного клирика Успенской церкви станицы Аксайской Иоанна Петровича Жахуновича Марфой [12, л. 119 об.]. Их брак был заключен 9 июля 1897 г., [11, л. 90 об.] Уже через 11 дней после венчания, 20 июля 1897 г., состоялась священническая хиротония Клавдия Афанасьева с назначением на должности штатного клирика Знаменской церкви станицы Клетской и заведующего церковно-приходской школой той же станицы. В 1899 г. он по собственному прошению был перемещен к Богоявленской церкви хутора Манойлина, а в 1902 г. к Троицкой церкви хутора Тормосина [там же, л. 77–79 об.]. В семье Афанасьевых воспитывались двое детей: сын Константин (1898 г. р.) и дочь Валентина (1900 г. р.) [там же].

По всей видимости, К. И. Афанасьев, исполняя свой священнический долг, не помышлял о политической карьере. Однако принятый «Закон о выборах в Государственную думу», предоставивший духовенству широкие избирательные права, изменил его

жизнь. Вероятно, не в последнюю роль в его решении встать на защиту прав своих прихожан-казаков сыграл следующий эпизод. В декабре 1905 г. священник К. Афанасьев после обычных «чтений со световыми картинками» вступил в диалог с прихожанами о предстоящих выборах. В результате беседы казаки составили «просьбу» в Думу с изложением в ней всех своих «нужд». «Просьбу» предполагалось вручить депутату [13, л. 20]. Беседа и составленный документ, который был либо намеренно уничтожен священником К. Афанасьевым, либо утерян, вызвали пристальный интерес канцелярии войскового наказного атамана, Донской духовной консистории и канцелярии обер-прокурора Св. Синода [9, л. 1]. В консистории на священника К. Афанасьева было заведено дело, проходившее под наименованием «Секретное». Характерно, что свое участие в беседе с прихожанами, носящей явно политический характер, он обосновал тем, что руководствовался «указом Донской духовной консистории, в котором прямо сказано, чтобы пастыри Церкви приложили все тщание к достойному исполнению воли Монарха (имеется в виду учреждение Государственной думы. – *А. Ш.*) и оправдали высокое доверие Государя Императора и т.п.» [13, л. 7]. Иными словами, даже буквальное исполнение указов консистории не спасало священников от обвинения в антиправительственной деятельности, если они так или иначе пытались истолковать Манифест и цель учреждения Государственной думы.

14 апреля 1906 г. Областным войска Донского избирательным собранием в I Государственную думу от области войска Донского были избраны 12 депутатов, среди которых был и священник Клавдий Афанасьев [14, с. 140]. Поскольку участие духовенства в работе государственных органов было новшеством, в состав I Думы вошли всего шесть священнослужителей [4, с. 135]. Дело, возбужденное наказным атаманом против священника К. Афанасьева, было прекращено только 18/19 апреля 1906 г. [13, л. 64]. Следствие, проводившееся по доносу, оставило отпечаток на воззрениях К. И. Афанасьева. Как констатировалось в том же деле, «к прискорбию, сей священник, принадлежащий к партии народной свободы, после совершения Архиерейским служением молебна перед открытием выборов в члены Государственной думы – не подошел к целованию св. Креста» [там же]. Не менее «революционной» с точки зрения консистории была и речь священника К. Афанасьева во время проводов членов Государственной думы на вокзале, в которой он предстает как человек, имеющий четкую программу действий [11, л. 29–29 об.].

К. И. Афанасьев принадлежал к конституционно-демократической партии «народная свобода» [14, с. 142]. В вопросах церковного управления его идеалом была древнехристианская община с выборным

пастырем, причем подобное устройство должно было, по его мнению, «проникать все здание церкви до самых низов, а не только венчать куполом ее вершину» [15, с. 19].

Священник Клавдий Афанасьев оказался активным участником I Государственной думы. На заседании 23 мая он выступал в прениях по вопросу о Белостокском погроме, подчеркивая негативную роль имперских министров в работе Думы [16, с. 310–312]. На заседании 1 июня он высказывался против «беззаконного закона» о смертных казнях, вновь подчеркивая недоверие министрам [11, л. 25–25 об.].

8 июля 1906 г. I Государственная дума была распущена. 9 июля 1906 г. священник Клавдий Афанасьев в числе 167 депутатов подписал Выборгское воззвание. 16 июля 1906 г. началось уголовное преследование подписавших воззвание. По указу Св. Синода от 16 августа 1906 г. за № 8888, священник К. Афанасьев был предан духовному суду [там же, л. 77–79 об.]. Другой депутат Думы, протоиерей Н. В. Огнев, выражая несогласие с позицией государства, подал в Св. Синод прошение о снятии священного сана [4, с. 139]. В ответе Св. Синода на запрос архиепископа Донского и Новочеркасского Афанасия (Пархомовича) о том, как поступить с К. И. Афанасьевым, значилось: «запретить священника Афанасьева в священнослужении и устранить его от места впредь до окончания возбуждаемого о нем дела, предать его духовному суду» [11, л. 1 об. – 2].

Процесс в епархиальном духовном суде начался 20 августа 1906 г. и велся под грифом «секретно» [там же, л. 1]. 21 августа 1906 г. священник К. Афанасьев был запрещен в священнослужении [там же, л. 9]. При допросе 2 октября 1906 г. он предпринял попытку спасти свой священнический сан, вероятно, чувствуя призвание к этому роду деятельности, и заявил, что «считает в настоящее время» подписание Выборгского возвания «полнейшей ошибкой» [там же, л. 42, 42 об.] Однако постановлением консистории от 16 октября 1906 г. он был лишен священнического сана [там же, л. 52] и исключен из духовного ведомства «с передачей его в распоряжение Областного Правления войска Донского» [там же, л. 77–79 об.].

В октябре 1906 г. К. И. Афанасьев подал апелляцию в Св. Синод [там же, л. 57]. Несмотря на объяснение мотивов поступка, связанного с подписыванием Выборгского возвания, и прошение 275 прихожан церкви хутора Тормосина на имя Св. Синода, в котором они ясно давали понять, что если Афанасьев не будет восстановлен в правах и не возвращен на приход, они могут, «усумнившись в истинности господствующей церкви, подобно старообрядцам, пользуясь ныне гораздо большими правами и свободой, чем они, отколоться от православной церкви» [там же, л. 81–83], апелляция была отклонена. Синод ут-

вердил решение Донской духовной консистории о лишении сана священника Афанасьева и его исключении из духовного сословия [там же, л. 86–87 об.]. Отныне К. И. Афанасьев, поскольку происходил из казачьего сословия, поступил в распоряжение Областного правления войска Донского и именовался казаком.

После длительных безуспешных ходатайств о возвращении священного сана К. И. Афанасьев вернулся на Дон в 1908 г., выбрав для постоянного места жительства Ростов-на-Дону. Вероятно, в том же году он устроился на должность конторщика комиссионного отдела Русско-Азиатского банка [17, л. 6]. В некотором смысле его судьба после лишения сана оказалась пророческой: в 1930-х гг., когда советская власть закрыла почти все храмы Донской области, духовенство в большинстве случаев занимало должности бухгалтеров.

В марте 1913 г. К. И. Афанасьев был завербован помощником Донского охранного отделения Ильяшовым в качестве секретного агента [там же], где работал до 1917 г. [там же, л. 7]. Несмотря на то что сегодня данные об агентурной работе К. И. Афанасьева не подтверждаются документами самого Донского отделения жандармского управления, сомневаться в его причастности к работе этой организации не приходится, поскольку именно с 1913 г. в течение двух лет К. И. Афанасьев находился под наблюдением охраны под кличкой «Лобовой» [18]. Остается неясным, что заставило бывшего священника стать на этот путь.

В 1920 г., после установления на Дону советской власти, вероятно, снова по доносу, К. И. Афанасьев был приговорен Ревтрибуналом к расстрелу за провокаторскую деятельность. ВЦИК заменил высшую меру наказания пятью годами принудительных работ без заключения под стражу, которые он отбыл в Ростове-на-Дону [17, л. 11].

В 1937 г. советская власть снова вспомнила о К. И. Афанасьеве. 31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило оперативный приказ НКВД СССР № 00447, в котором ставилась задача «раз и навсегда покончить» с антисоветскими элементами. В нем, наряду с кулаками, в состав репрессируемых включались представители различных политических партий: эсеров, меньшевиков и т.д. В рамках исполнения этого приказа 24 декабря 1937 г. был арестован НКВД Клавдий Иванович Афанасьев [там же, л. 19]. В анкете и показаниях он был обозначен как «эсер в прошлом» [там же, л. 4, 5]. В допросе от 26 декабря 1937 г. от лица К. И. Афанасьева говорится: «В Государственной думе я примыкал к партии эсеров, хотя фактически не являлся ее членом. Программу эсеров я разделял и после, даже до последнего времени у меня сохранились эсеровские программные установки, особенно по аграрному вопросу, которые я разде-

ляю до настоящего времени» [там же, л. 5]. Как видно из ранее приведенных свидетельств, К. И. Афанасьев разделял воззрения конституционно-демократической партии, но не партии эсеров. Несмотря на явное противоречие, дело бывшего священника было рассмотрено всего за 4 дня. В обвинении помимо принадлежности к партии эсеров ему ставилась в вину служба в Донском охранном отделении [там же, л. 19]. Постановлением Тройки УНКВД по Азово-Черноморскому краю от 28 декабря 1937 г. Афанасьев Клавдий Иванович был расстрелян [там же, л. 21, 22]. Реабилитация состоялась 2 августа 1989 г. на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» [там же, л. 22, 22 об.].

Судьба Клавдия Ивановича Афанасьева была во многом показательной для своего времени. Его пример продемонстрировал, что в 1906 г. государство, призывая духовенство к политической деятельности, в частности, связанной с законотворчеством, было не готово к тому, что священнослужители могут высказывать собственные суждения, несогласные с имперской политикой. Это несогласие жестоко каралось духовной властью. Если административные правонарушения, даже достаточно серьезные, после незначительного времени наказания «прощались» священнику, то самостоятельность политических воззрений была причиной извержения из сана и полного отторжения от церковной жизни. Впоследствии государство смягчило свою позицию в отношении духовенства, принимавшего участие в работе II, III и IV Государственных дум, но первый опыт привлечения священнослужителей к государственной деятельности был показательным.

Попытки духовенства отстаивать интересы прихожан не были оценены и советской властью. Отторгая возможность привлечения изверженных из сана священников к политической жизни в выстраиваемой системе, советская власть предпочитала их арестовывать и расстреливать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьева Т. Г.* Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века / Т. Г. Леонтьева // Вопросы истории. – 2011. – № 1. – С. 29–43.
2. *Рягузов С. С.* Общественно-политическая деятельность православного приходского духовенства Европейского Севера в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. С. Рягузов. – Архангельск, 2009. – 24 с.
3. *Васильев И. А.* Государственная служба православного духовенства в Российской империи (1906–1917 гг.) :

автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Васильев. – СПб., 2011. – 24 с.

4. Денисова Е. В. Раскол среди священников-депутатов в I и II Государственных думах (1906–1907 гг.) / Е. В. Денисова // Русское православие и атеизм в отечественной истории : сб. науч. трудов. – Л., 1988. – С. 133–145.

5. Полунов А. Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е – первая половина 1890-х годов) / А. Ю. Полунов // Вопросы истории. – 1997. – № 11. – С. 125–136.

6. Красников Н. П. Социально-политическая позиция Православной церкви в 1905–1907 годах / Н. П. Красников // Вопросы истории. – 1982. – № 9. – С. 30–41.

7. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 11323.

8. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 11170.

9. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 11327.

10. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 11324.

11. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 11334.

12. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 11752. – Т. I.

13. ГАРО. – Ф. 226. – Оп. 3. – Д. 11325.

14. Первая Государственная дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. – М., 1906. – 158 с.

15. Члены 1-й Государственной думы с портретами. – М., 1906. – 79 с.

16. Сборник речей депутатов Государственной думы I и II созыва. Книга третья. – СПб., 1908. – 352 с.

17. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области. – Д. П-38305.

18. ГАРО. – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 263.

*Южный научный центр Российской академии наук
Шадрина А. В., кандидат исторических наук, научный сотрудник*

E-mail: bergson@yandex.ru

Tel.: 8-903-404-28-95

Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences

Shadrina A. V., Candidate of Historical Sciences, Research Assistant

E-mail: bergson@yandex.ru

Tel.: 8-903-404-28-95